

АЛЕКСАНДР ЭРМЕС

ЛЕТОПИСЬ ЧУЖИХ ЛЕГЕНД

КНИГА ПЕРВАЯ

ГИЛЬДИЯ СТАРОВОГО МОСТА

Александр Эрмес

Летописец Чужих

Легенд :Гильдия Старого Моста

«Автор»

2026

Эрмес А.

Летописец Чужих Легенд :Гильдия Старого Моста / А. Эрмес —
«Автор», 2026

Лоран Вей умеет превращать чужие подвиги в песни. Иногда — слишком хорошо. Он приезжает в захудалую Гильдию Старого моста ради простой работы: разобрать архив, написать хронику и заработать достаточно, чтобы снова отправиться в дорогу. Лоран любит хорошее вино, меткую шутку и собственную жизнь слишком сильно, чтобы становиться героем самому. Но сначала его песня начинает меняться без него. Потом человек пытается соответствовать легенде, которую Лоран для него придумал. А затем дорога перестаёт быть одной и той же для тех, кто её помнит по-разному. В мире, где рыцари превращают убеждения в Путь, маги заставляют реальность следовать построенным ими правилам, а великие деяния оставляют настоящий След, талант Лорана оказывается куда опаснее умения подобрать удачную рифму. Потому что хорошая история способна пережить героя. А достаточно сильная — изменить его.

© Эрмес А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последняя хорошая песня	5
Глава 2. Гильдия Старогомоста	14
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Летописец Чужих Легенд :Гильдия Старого Моста

Глава 1. Последняя хорошая песня

— Неправда, — сказала орчанка, когда Лоран Вей закончил лучшую песню этого месяца. До этого всё шло превосходно.

Трактир назывался «Седьмая миля», хотя до городских ворот оставалось не больше двух, и в обычный вечер подобная арифметика могла бы насторожить человека осмотрительного. Лоран осмотрительным не был, зато умел замечать признаки хорошего вечера: дождь бил по ставням, в очаге трещали яблоневые поленья, у стойки спорили сразу на трёх языках, а хозяин выставил перед музыкантом кувшин ещё до того, как услышал первую ноту. В таких местах люди приходили не слушать. Они приходили забыть дорогу, мокрые сапоги и цену завтрашней работы. Если помочь им в этом достаточно умело, слушать они начинали сами.

Лоран сидел на краю низкого помоста, положив ногу на перекладину табурета, и держал лютню так свободно, будто родился с ней в руках и только позднее, по недоразумению, получил всё остальное. Ему недавно исполнилось тридцать один, хотя при хорошем освещении и после бритья он уверенно продавал публике двадцать восемь. Тёмно-каштановые волосы, ещё влажные после дождя, он стянул на затылке чёрной лентой; несколько прядей всё равно падали на высокий лоб и придавали лицу ту живописную небрежность, на которую уходило больше времени, чем он соглашался признавать. Лицо было узким, красивым не правильно-стью, а подвижностью: серо-зелёные глаза успевали улыбнуться раньше губ, длинный нос делал профиль запоминающимся, а тонкий белый шрам у левой брови убеждал незнакомцев, что за ним стоит история интереснее неудачно открытого окна.

Он носил тёмно-синий дорожный камзол с серебряным шнуром на вороте. Издали камзол выглядел дорогим, вблизи обнаруживал две аккуратные штопки, след вина на манжете и человека, который предпочитал чинить хорошую вещь, а не покупать скучную. На перевязи у бедра висела шпага с простой чашкой гарды. Её эфес не сверкал самоцветами, зато кожа на рукояти была стёрта ровно там, где ложились пальцы.

Первые две песни он отдал дороге. Третью — залу.

Он начал её тихо, позволив разговору ещё немного пожить поверх струн, затем поднял мелодию, подхватил смех у стойки, стук кружек и сердитое покашливание дварфа в красном колпаке, который заранее приготовился не любить приезжего музыканта. К середине первого куплета спорщики замолчали. К припеву служанка перестала вытирать один и тот же стол. Ко второму припеву хозяин — широкий дварф с медными кольцами в чёрной бороде — уже отбивал ритм деревянной ложкой по бочке.

Песня была о Крелле у Чёрного брода.

О том самом сэре Ардене Крелле, который двадцать семь лет назад удержал переправу против северных наёмников, спас обоз с детьми и умер стоя, потому что хорошие баллады не позволяют герою сесть, если он может умереть красивее.

Лоран нашёл эту историю неделю назад в дешёвом сборнике «Доблести восточных земель», выбросил три генеалогии, двух герцогов и описание погоды на четыре страницы, после чего дал Креллу сломанное копьё, последний приказ и припев, который можно было запомнить даже после шестой кружки.

Теперь зал пел его вместе с ним:

У Чёрного брода, где ветер ослеп, Где кони шарахались дыма, Крелл встал у воды — и пока он стоял, За ним не прошёл ни единый.

На последней строке Лоран убрал голос, и припев докатился до стен уже без него. Это был старый приём, но старые приёмы не становятся хуже только потому, что ими пользовались люди, давно лежащие на кладбище. Иногда, если зал особенно удавался, возникало мгновение, когда песня переставала принадлежать исполнителю. Она проходила по чужим ртам, менялась на полтона, грубела, становилась общей, и Лоран любил это мгновение почти так же сильно, как первое касание женщины, ещё не решившей, будет ли второе.

Последний аккорд он придержал ровно настолько, чтобы тишина успела попросить продолжения.

Потом отпустил струны.

Зал взорвался кружками, ладонями и сапогами. Кто-то у окна свистнул так, что лошадь во дворе ответила ударом копыта. Дварф-хозяин поставил на стойку новый кувшин, и Лоран уже собирался поклониться с той скромностью, которую публика особенно ценила в людях, уверенных в себе, когда из дальнего угла прозвучало:

— Неправда.

Сказано было негромко. Но в трактире, где только что закончилась песня, негромкому слову иногда везёт больше, чем крику.

Лоран оставил руку на струнах и посмотрел в угол.

Орчанка сидела спиной к стене за столом, рассчитанным на четверых, но занятым ею одной без всякой видимой несправедливости. Она была уже немолода: тяжёлые чёрные волосы поседели от висков и были собраны в одну толстую косу, переброшенную через плечо. Косу скрепляли не украшения, а узкие железные кольца с вырезанными знаками свидетелей. Тёмно-оливковая кожа на лице казалась почти серой возле старого ожога, уходившего от шеи под ворот кожаного колета. Левый клык был обломан у основания; правый, короткий и тёмный, приподнимал верхнюю губу, отчего спокойное выражение выглядело насмешливым. Руки она держала на столе. Широкие ладони, тяжёлые суставы, два отсутствующих кончика пальцев на правой руке. Рядом лежало короткое копьё в потёртом чехле, слишком близко, чтобы считать его дорожным багажом.

Она не хлопала.

— Какая именно часть? — спросил Лоран. — Если про ветер, готов уступить. Ветер плохо даёт показания и никогда не платит за опровержение.

Кто-то засмеялся. Орчанка нет.

— Крелл не стоял у воды.

— Полагаю, берег за двадцать семь лет мог переместиться.

— Он лежал в грязи шагах в тридцати от неё и держал живот обеими руками.

Смех умер неровно, сначала у дальних столов, потом у стойки. Только один очень пьяный человек продолжал улыбаться, но и он вскоре понял, что остался без компании.

Лоран снял лютню с колена. Не убрал — просто дал понять залу, что песня закончилась и теперь можно слушать женщину, которая выбрала опасный способ испортить ему вечер.

— Вы там были?

Орчанка протянула правую руку ладонью вверх. На внутренней стороне предплечья виднелись шесть выжженных знаков: пять небольших, расположенных полукругом, и шестой в центре. Лоран не умел читать орочьих свидетельские метки, но видел такие раньше. Их не носили ради красоты.

— Урга, дочь Хазра, пятый голос цепи Чёрного брода, — сказала она. — Я получила рассказ от Бора Кривого Колеса, который получил его от Нейры из конных, которая стояла рядом со мной, когда Крелла ударили.

Дварф у стойки снял красный колпак. Хозяин перестал стучать ложкой.

Лорану очень хотелось выпить. Не потому, что он растерялся. Напротив: растерянность редко мешала ему говорить, а иногда заметно улучшала результат. Просто вино стояло близко, пахло терпкой вишней и не выдвигало обвинений в исторической недобросовестности.

Он наполнил кружку, отпил и сказал:

— Значит, у меня редкая удача. Обычно свидетели моих песен давно мертвы.

— Иногда им просто не дают места в песне.

Вот это было уже хорошо.

Лоран почувствовал фразу почти физически: её вес, ритм, удобное место перед припевом. Он мысленно примерил к ней мелодию и только после этого заметил, что Урга смотрит прямо на него.

Не на музыканта. На человека, который успел украсть её слова раньше, чем она закончила говорить.

— Сколько вас было? — спросил он.

— Шестеро.

— В книге был только Крелл.

— Я слышала твою песню.

— Иногда полезно установить, откуда именно растут ноги у ошибки.

— У этой ноги растут из могилы пятерых людей.

Теперь не засмеялся никто.

Лоран спустился с помоста. Лютню он оставил у табурета, зато взял кружку. Столы немного раздвинулись перед ним. Он остановился напротив Урги, не спрашивая разрешения сел на свободную скамью и сразу понял, что поступил верно: стоя рядом с ней, он выглядел бы просителем; сидя — собеседником.

— Расскажите.

— Чтобы ты сделал песню получше?

— Чтобы сначала понять, насколько плоха нынешняя.

Урга посмотрела на его кружку, потом на лицо. Вблизи ожог на её щеке оказался не гладким, как показалось издали, а пересечённым тонкими светлыми линиями. Когда-то кожу там сшивали грубо и в спешке. Железные кольца в косе были разными: одно почти чёрное, одно новое, четыре отполированы пальцами.

— Крелл был не рыцарем, — сказала она.

— Книга называет его сэром двенадцать раз.

— Книгу писали после того, как князь дал его вдове землю. До брода он был десятником конной стражи, любил сладкое пиво и проигрывал жалованье костям. В то утро он хотел уехать.

— Это уже хуже для памятника.

— Для памятника — да.

— Для песни пока не уверен.

Она чуть прищурилась. Возможно, это было началом уважения. Возможно, выбирала место, куда ударить кружкой.

— На северном берегу шёл обоз, — продолжила Урга. — Не с детьми. С ранеными. Двадцать три человека, двое без сознания. Наёмники спускались с гребня, а мост перед этим размыло. Остался брод. Крелл видел их и сказал, что нам не удержать переправу. Он был прав.

— Наконец-то герой, который умеет считать.

— Потом Нейра спросила, кто даст раненым время перейти.

— И он вызвался.

— Нет. Он отвернулся.

Лоран медленно поставил кружку.

За соседним столом кто-то попытался возобновить разговор и получил локтем от спутника. Дождь постукивал в ставни. У очага лопнуло полено, рассыпав искры на каменный поддон.

— А потом? — спросил Лоран.

— Потом увидел мальчишку из обоза. Тот тащил носилки один, потому что второй носильщик упал. Крелл выругался, отдал мне поводья и пошёл обратно. Нейра пошла за ним. Я — за Нейрой. Бор остался, потому что телега застряла. Сестра Аника сказала, что без неё мы умрём неправильно, и тоже осталась. Шестым был Сив, гоблин. Его в городских книгах не записали вовсе.

— Почему?

— Потому что через год город воевал с его племенем. Так было удобнее.

Лоран провёл большим пальцем по краю кружки. В голове уже складывалась другая песня, и это было отвратительно легко. Не один рыцарь против войска, а шестеро людей, каждый из которых остался по своей причине. Не последний приказ, а цепочка дурных решений, по отдельности разумных, вместе — героических. Это было сложнее. Значит, могло оказаться лучше.

— Кто из них выжил?

— Я.

Урга сказала это без нажима. Лоран не стал задавать вопрос, ответ на который лежал в шести железных кольцах её косы.

— А Крелл?

— Его ударили первым. Копьё вошло под рёбра. Он упал и велел нам отступать, пока мог говорить. Потом увидел, что обоз ещё в воде, поднялся и держал знамя. Не потому, что от него шла какая-то великая сила. Просто наёмники подумали, что у брода всё ещё стоит десятник и к нему подходит подкрепление. Они остановились. Ненадолго. Нам хватило.

— Он умер стоя?

— Он снова упал. В грязь. Как все.

Лоран посмотрел на собственную руку, лежащую возле кружки. Длинные пальцы, мозоль от струн на указательном, маленький порез у ногтя. В последние годы он слышал много рассказов о смерти. Люди почти всегда исправляли в них позу покойника.

— Но знамя он поднял, — сказал он.

— Поднял.

— И наёмники остановились.

— Да.

— Почему вы начали с того, что песня — неправда?

Урга положила ладонь на чехол копья.

— Потому что ты сделал его одного.

В этот момент Лоран почувствовал запах речной тины.

Он был резким, холодным, совершенно неуместным среди дыма, мокрой шерсти и тушёного лука. Под подошвой будто просел пол, хотя кружка на столе не дрогнула. За плечом Урги на одно короткое мгновение не оказалось стены. Там лежала серая вода, взбитая копытами; человек в порванном плаще пытался поднять древко, скользил коленом в грязи и смеялся — не храбро, а зло, потому что снова упал. Рядом кто-то маленький, по пояс в воде, толкал застрявшее колесо. Женщина с обритым виском кричала имя, которого Лоран не разобрал.

Потом трактир вернулся.

Вишнёвое вино отдавало дымом. Урга сидела напротив. Лоран обнаружил, что вцепился пальцами в край стола.

— Что? — спросила она.

— Вино у вашего хозяина внезапное.

— Ты выпил половину кружки.

— Тем опаснее намерения второй половины.

Он улыбнулся. Улыбка получилась почти обычной.

Лоран не верил в видения. Точнее, верил, что они случаются с людьми, которые едят сомнительные грибы, молятся неразборчивым богам или готовы заплатить гадалке за право услышать собственные желания чужим голосом. Сам он предпочитал причины попроще: усталость, душный зал, крепкое вино, чужая хорошая история.

— Сыграй так, как было, — потребовал кто-то у стойки.

Лоран повернул голову. Это оказался молодой человек с круглым человеческим лицом и светлой бородкой, ещё слишком редкой, чтобы придавать ему мужественность, но уже достаточно заметной, чтобы владелец на неё рассчитывал. На груди у него висел оловянный знак городских конюхов.

— Он только что услышал, как было, — сказала служанка.

Она была полукровкой: тонкие эльфийские уши выдавали мать или отца, а веснушки, широкие бёдра и выражение человека, привыкшего носить по четыре кружки в каждой руке, принадлежали ей одной. Рыжие волосы она обрезала до подбородка; один локон прилип к щеке от жара. До этого Лоран успел отметить только её улыбку. Теперь заметил ещё и нож в кожаных ножнах на поясе, расположенный так, чтобы его можно было вынуть любой рукой.

— Именно, — сказал он. — Для хорошей песни этого возмутительно мало.

— А для плохой хватило книги? — спросила Урга.

— Для плохой песни иногда достаточно названия. Для хорошей нужен вечер, несколько честных людей и завтрак, которого никто не торопит.

— Значит, не сыграешь.

— Значит, не сокру второй раз теми же рифмами.

Он поднялся и вернулся к помосту. Публика следила за ним уже иначе. Пять минут назад эти люди хотели ещё один припев. Теперь они ждали суда, признания или драки — желательно всего сразу, потому что дождливый вечер длинен, а за вино уплачено.

Лоран взял лютню и проверил строй. Струны отозвались чисто. Пальцы знали старую мелодию, но он намеренно начал с другого аккорда.

— Это не песня, — предупредил он. — Это пока только долг.

— Долги тоже можно петь, — сказал дварф-хозяин.

— Именно поэтому у вас такой прибыльный дом.

Несколько человек засмеялись. Напряжение ослабло, но не исчезло. Хорошо. Песням полезно немного сопротивления.

Лоран повторил простую последовательность, прислушался к её шагу и запел без припева:

Он первым сказал: «Не удержим брод». И первым обратно шагнул. За ним было пятеро, грязь и обоз, А вовсе не вечный июль.

— Июль? — переспросила Урга.

— Мне сообщили, что работа не закончена.

— Был октябрь.

— Октябрь длиннее на слог, но убедительнее по грязи.

Он повторил последние две строки, заменил слово, сбился, вернулся. Зал не подпевал. Люди слушали, как песня ищет форму прямо у них на глазах, и в этом было своё удовольствие, более редкое, чем удачный припев. Лоран задал Урге вопрос о Сиве, не прекращая перебирать струны. Она ответила. Дварф в красном колпаке знал Бора Кривое Колесо и поправил название его родного рудника. Хозяин принёс новую кружку, но поставил рядом, не прерывая разговора. Служанка сказала, что сестра Аника похоронена при храме Пяти Дорог и каждую весну кто-то оставляет на её плите конскую подкову.

Через четверть часа у песни появился первый честный куплет. Через половину — строка, которую можно было оставить. Припева всё ещё не было.

Лорану нравилось это меньше, чем лёгкий успех, и больше, чем следовало.

Проблема возникла в лице торговца шерстью. До сих пор он сидел возле очага, красный от выпитого и уверенный, что деньги придадут его мнению дополнительный вес. На шее у него блестела золотая цепь, пальцы были мягкими, а сапоги — новыми и слишком светлыми для дороги. Рядом скучали двое наёмных охранников в одинаковых серых куртках.

— Хватит портить хорошую балладу, — сказал торговец. — Крелл был героем. В городе ему памятник стоит.

— Памятники редко возражают, — отозвался Лоран.

— А эта придумала всё, чтобы орков вписали в нашу победу.

Урга не пошевелилась. Только её большой палец один раз прошёл по чехлу копья.

Лоран продолжал играть.

— Вы, кажется, пропустили часть про свидетельскую цепь.

— Я слышал. Орочья болтовня.

— Осторожнее. Ещё немного — и вечер перестанет быть приятным даже для вас.

Торговец поднялся. Он был выше Лорана и заметно тяжелее, что люди его сложения часто принимали за полноценное военное преимущество.

— А ты мне угрожаешь, певец?

— Нет. Я предупреждаю, что хозяйка ножа у стойки уже выбрала, какой рукой его достанет, хозяин считает стоимость мебели, а ваши охранники старательно не встречаются с вами взглядом. Мне показалось невежливым оставить вас единственным человеком в зале, который не понимает происходящего.

Один из охранников кашлянул. Второй поставил свою кружку подальше от края стола.

Торговец оглянулся, увидел слишком много лиц и слишком мало поддержки, после чего сделал то, что делают люди, внезапно обнаружившие ошибку в расчётах: выбрал ближайшего виноватого. Он шагнул к Урге и потянулся к железным кольцам в её косе.

Лоран перестал играть.

Лоран отвёл лютню за спину и вытащил шпагу. Торговец уже потянул Ургу за косу; острие вошло в свободную складку его манжеты и в мягкую стойку помоста. Лоран удержал рукоять обеими руками, не давая ему дёрнуться в сторону клинка. Широкий рукав натянулся, а пальцы разжались. Сталь не коснулась кожи.

— Не советую, — сказал Лоран. — Если она вас ударит, мне придётся искать рифму к слову «заслужил». Оно неудобное.

Торговец дёрнул руку. Ткань затрещала.

— Убери железку.

— С удовольствием. Сразу после того, как вы сядете.

— Я стою.

— Именно это затрудняет переговоры.

Охранник, отодвинувший кружку, тихо произнёс:

— Господин Халвер, сядьте.

Торговец посмотрел на него так, словно только что узнал о предательстве родной крови. Потом на Ургу. Орчанка не вынула копья и даже не поднялась. Это, вероятно, действовало сильнее всего.

Он сел.

Лоран освободил манжету, убрал шпагу и осмотрел разрыв.

— Почти незаметно. При тусклом свете. Из другого города.

Служанка фыркнула и отвернулась, пряча улыбку. Дварф-хозяин налил торговцу воды. Бесплатно, но с выражением человека, который всё равно внесёт её в счёт.

Лоран снова взял аккорд. Руки не дрожали. Сердце билось быстрее, чем требовалось для столь короткого движения, и это было справедливо: он хорошо владел шпагой ровно до той минуты, когда противник тоже умел ею пользоваться.

Урга впервые улыбнулась. Улыбка изменила её лицо сильнее, чем Лоран ожидал; возле ожога появилась глубокая складка, а целый клык оказался чуть кривым.

— Рифма к слову «заслужил» — «получил», — сказала она.

— Вы прирождённый поэт.

— Не оскорбляй меня второй раз за вечер.

После этого трактир окончательно решил, что драки не будет, и вернулся к выпивке с облегчением людей, которым всё-таки показали небольшое представление. Лоран не дописал песню. Он записал шесть имён на обороте счёта, заставил Ургу дважды повторить имя гоблина и попросил хозяина засвидетельствовать, что услышал цепь полностью. Орчанка наблюдала за ним с недоверием, но больше не мешала.

Ели поздно. Тушёная баранина оказалась слишком солёной, хлеб — свежим, а вишнёвое вино обладало редкой добродетелью: с каждой кружкой становилось лучше, не требуя от пьющего такого же подвига. Лоран пересел к стойке, где было теплее, и позволил вечеру снова стать вечером.

Служанку звали Мейра. Она сообщила это после того, как он назвал её «грозой неосторожных пальцев», и потребовала нормального знакомства в обмен на ещё один кусок пирога.

— Лоран Вей, — представился он. — Сочинитель, музыкант и жертва местной историографии.

— Я слышала имя. Ты написал «Невесту с двумя кинжалами»?

— Написал.

— У нас её поют «Невеста с тремя».

— Так и гибнет авторское право.

— Три лучше.

— Кто это решил?

Мейра кивнула на полный зал.

— Люди, которые платят за вино.

Лоран посмотрел на неё внимательнее. Рыжий локон высох и теперь загибался к подбородку; на переносице собрались веснушки, а в серых глазах не было ни малейшего почтения к известному автору. Это обещало хороший разговор.

— Вы опасная женщина, Мейра.

— Нет. Опасная женщина сидит у стены. Я просто принесу ей нож, если понадобится.

Он поднял кружку за точность определения.

Урга ушла первой. Перед уходом она положила возле его локтя узкую железную пластинку с насечками.

— Что это?

— Копия метки Сива. Подлинная ушла в землю с ним.

Лоран не коснулся пластинки сразу.

— Вы отдаёте её человеку, который час назад пел, будто его не существовало?

— Поэтому и отдаю. Посмотрю, что ты сделаешь, когда врать станет неудобно.

— Вернуть куда?

— Я найду тебя.

Это прозвучало не обещанием и не угрозой. Орки, отвечавшие своим именем за свидетельство, вероятно, не тратили слова на различие между ними.

Когда дверь за ней закрылась, Лоран взял пластинку. Железо было холодным, края — гладкими от долгого ношения. Шесть насечек пересекала седьмая, более глубокая. На миг ему снова почудилась вода. Не картина теперь, а ощущение: течение давит в колени, пальцы сколь-

зят по мокрому колесу, кто-то рядом ругается высоким мальчишеским голосом и смеётся каждый раз, когда должен бы испугаться.

Лоран разжал пальцы.

Пластинка упала на стойку без звона.

— Дрянь вино? — спросила Мейра.

— Напротив. Боюсь, оно начало рассказывать истории.

— Тогда заплати за две кружки. Одну выпил ты, другую — оно.

Лоран рассмеялся и заплатил.

Он любил такие ночи не потому, что хотел от чего-то спрятаться. Ночь была хороша сама по себе. За стенами шёл дождь, в очаге оставались красные угли, пирог оказался с грушей, а Мейра после последней подачи села рядом и отобрала у него самую хрустящую корку без малейших угрызений совести. Мир не требовал спасения. Никто не умирал. Даже торговец шерстью уснул лицом на собственном рукаве и тем самым впервые за вечер принёс окружающим пользу.

Лоран сыграл ещё две песни, обе непристойные и ни одна не о героях. Вторая закончилась спором о том, способен ли дварф спрятаться под свадебным платьем. Хозяин утверждал, что способен, если платье хорошее; Мейра — что если дварф достаточно мотивирован. Красный колпак требовал исторического доказательства.

До комнаты Лоран добрался после полуночи. Мейра поднялась вместе с ним по лестнице, остановилась у двери и поправила ворот его камзола.

— Ты завтра в город?

— Если проснусь.

— В какую часть?

— К Старому мосту. Меня наняла тамошняя гильдия.

Её пальцы замерли на серебряном шнуре.

— Зачем?

— Они хотят летописца.

— Нет, это я поняла. Зачем им понадобился именно ты?

— Наконец-то женщина, задающая правильные вопросы слишком поздно.

Она усмехнулась, но не продолжила движение к двери.

— У Старого моста хороших историй больше, чем хороших концовок.

— Концовки переоценивают. Большинство людей переживает несколько и потом жалуется, что утром надо вставать.

— Ты всегда так разговариваешь?

— Только когда надеюсь произвести впечатление.

— А когда не надеешься?

Лоран наклонился ближе.

— Тогда лучше пою.

Мейра поцеловала его коротко, со вкусом груши и вина, потом отступила.

— Это за песню, которую ты не дописал.

— У меня остался целый второй куплет.

— Дopiшешь — посмотрим.

Она спустилась, оставив его одного перед дверью. Лоран постоял, прислушиваясь к удаляющимся шагам, и решил, что мир по-прежнему устроен приемлемо, хотя в отдельных местах нуждается в редакции.

Утром дождь прекратился, но дорога сохранила к нему личную неприязнь.

Лоран выехал после позднего завтрака на серой кобыле по имени Милость, которая не проявляла качества, указанного в имени, ни к седоку, ни к лужам. Лютию он вёз за спиной

в промасленном чехле, железную метку Сива — во внутреннем кармане. Там она время от времени касалась рёбер, напоминая о себе холодом, хотя день становился теплее.

Город показался за поворотом дороги постепенно: сначала башни восточных ворот, затем черепичные крыши, дым мастерских и широкий изгиб реки. Старый мост находился ниже по течению от нового каменного, который купцы предпочитали изображать на печатях. Старый был уже, темнее и держался на трёх массивных опорах, почерневших у воды. По нему всё ещё шли телеги. Значит, название пережило назначение, как часто случается с мостами, титулами и хорошими песнями.

Здание гильдии стояло у западной опоры, немного в стороне от торговой улицы.

Лоран остановил Милость.

В письме нанимателя упоминались древний зал, славные традиции и одно из старейших братств восточной дороги. Всё это оказалось правдой, если относиться к словам великодушно. Дом был древним настолько, что верхний этаж заметно нависал над нижним и, вероятно, раздумывал, не продолжить ли путь без него. Вывеска с мечом и мостом выцвела почти до серого. На крыше не хватало нескольких плиток. Возле двери двое людей спорили над сломанной тачкой, а из трубы шёл дым цвета, который редко обещает хороший завтрак.

Над входом сохранилась надпись:

Гильдия Старого моста

Под ней кто-то мелом добавил:

Кредиторам вход после полудня

Лоран перечитал письмо. Потом вывеску. Потом снова письмо, словно при втором чтении между строк могла обнаружиться другая гильдия.

Милость фыркнула.

— Не начинай, — сказал ей Лоран. — Тебя хотя бы не наняли воспевать это место.

Он посмотрел на покосившуюся крышу, привязанную к перилам дверь и человека, который пытался починить тачку рукоятью боевого топора.

Если здесь жили герои, они явно задолжали кровельщику.

Глава 2. Гильдия Старогомоста

Человек с боевым топором проигрывал тачке.

Тачка держалась стойко: одно колесо смотрело на город, второе — в сторону реки, а между ними лежал мешок извести, безучастный к исходу сражения. Человек, широкоплечий и рыжебородый, загнал рукоять топора под перекосившуюся ось и теперь давил на неё всем телом. Топор был хорош. Ось тоже когда-то была хороша. Их встреча не сулила будущего ни одному.

Лоран наблюдал достаточно долго, чтобы убедиться: представление не предназначено для публики.

— Если вы собираетесь убить тачку, — сказал он, не слезая с Милости, — бейте в мешок. Он выглядит главным.

Рыжебородый выпрямился. Ростом он оказался почти с орка, только шире, а круглые человеческие уши при такой наружности выглядели странной уступкой природе. Нос у него был сломан в двух местах и сросся с явным нежеланием выбирать одно направление. На каждом фартуке белели пятна муки, золы и чего-то синего; за поясом торчали клещи.

— Колесо заклинило, — сообщил он.

— Тогда топор непременно поможет. Особенно если тачка признается, кто её послал.

Человек посмотрел на топор, потом на тачку. В его лице медленно возникло подозрение, что над ним смеются, но мысль эта была непривычной и потому продвигалась осторожно.

Из открытого окна над дверью высунулась женщина.

— Гарт! Сними мешок, — крикнула женщина из окна.

— Колесо не идёт.

— Я вижу. Сними мешок.

Он спешил, обошёл Милость и приподнял край тачки. Штырь оси наполовину вышел из разбитого гнезда. Нужно было всего лишь снять мешок, поставить колесо прямо и выбить втулку обратно чем-нибудь менее историческим, чем боевой топор.

Гарт молча поднял мешок одной рукой.

Это заставило Лорана пересмотреть несколько шуток, которые он собирался произнести.

Через минуту колесо стояло ровно. Рыжебородый толкнул тачку, та покатила и, кажется, сама удивилась успеху.

— Ты мастер? — спросил Гарт.

— В отдельных областях.

— По колёсам?

Лоран хотел ответить красиво, но Гарт уже поднял рукояти тачки и покатил её во двор. Починенное колесо скрипело на каждом обороте, зато теперь скрипело в нужную сторону.

Женщина в окне захлопнула ставню. Лоран решил счесть это приглашением.

Внутри гильдия пахла мокрым деревом, жареным луком и лекарственной мазью. После обещанных в письме «древнего зала и славных традиций» Лоран ожидал хотя бы пару знамён, каменный очаг и лестницу, по которой когда-нибудь спускался король. Знамя нашлось одно, старое до полной неразличимости герба. Очаг был кирпичный, с трещиной поперёк трубы. По лестнице спускался невысокий гоблин с кипой белья; ему навстречу поднимался мужчина в кольчуге, на ходу застёгивая мокрый плащ, и обоим пришлось молча договариваться, кто уступит дорогу. Уступил мужчина. Гоблин даже не замедлил шага.

Зал оказался длинным и тёплым. Не красивым — для красоты ему недоставало денег, одинаковых стульев и хотя бы одной стены, не участвовавшей в многолетнем споре с сыростью, — но тёплым. У дальней стены тянулась стойка бара. Над ней висели кружки, связки сушёных трав и рог существа, которому при жизни следовало внимательнее выбирать противников.

Справа занимала почти всю перегородку доска контрактов, утыканная листками разных размеров. Слева четверо доедали кашу. За стойкой спорили о вчерашнем счёте; с кухни потребовали вернуть нож, который кто-то унёс вместе с сыром; возле двери женщина выжимала плащ прямо на пол, пока мальчишка с перевязанным ухом искал вторую перчатку. Никто не обратил на Лорана больше внимания, чем требовали лошадь во дворе и дорожная пыль на сапогах.

Под стойкой стояла корзина с вещами для ремонта. Из неё торчал кожаный наплечник с двумя глубокими когтевыми прорезями; к оборванному ремню привязали бирку с фамилией хозяина и временем, когда за ним придут. На бирке оставили место для цены новой пряжки.

Лучший стол стоял возле очага. Свет падал на него из двух окон, спинка угловой скамьи закрывала от сквозняка, а до стойки было ровно столько шагов, чтобы хозяин замечал пустую кружку, но не слышал тихий разговор.

Стол был занят.

На нём спал огромный серый кот.

Кот занимал середину, растянувшись на боку с уверенностью землевладельца. Одно ухо было надорвано, морда изборождена старыми шрамами, а передняя лапа лежала на сложенном листе так, будто животное ознакомилось с документом и наложило запрет.

Лоран снял перчатки.

— Наконец-то кто-то производит впечатление.

— Не трогайте господина Крюка, — сказала женщина за высокой конторкой у доски контрактов. — Он член гильдии дольше половины присутствующих и полезнее трети.

Это была та самая женщина из окна. Теперь Лоран видел её целиком и понял, почему Гарт подчинился голосу. Она не казалась крупной: прямая спина, узкие плечи, тёмное платье без единой оборки. Но всё в ней было расположено с той точностью, с какой раскладывают хирургические инструменты. Чёрные волосы она собрала в тугий узел, уже тронутый серебром у висков; на левой щеке темнела маленькая родинка, а под нижней губой — белая полоска старого пореза. Чернильные пятна на среднем и указательном пальцах доходили до ногтей. Такие руки не отмывают к ужину, потому что вечером предстоит считать снова.

— Сколько пользы приносит кот? — спросил Лоран.

— Больше, чем человек, который опаздывает на девять дней.

Она не повысила голоса. Ей это не требовалось.

Лоран достал письмо.

— Лоран Вей. Писатель, музыкант и, судя по встрече, должник.

— Иоланта Рес. Распорядительница контрактов. Должников я записываю в другую книгу.

Она приняла письмо, не глядя на печать, и положила рядом с раскрытым журналом. На странице теснились столбцы имён, сумм и дат; несколько строк были перечёркнуты одной решительной чертой.

— Вы должны были прибыть к первому дню месяца.

— Дорога сопротивлялась.

— Дорога лежит на прежнем месте.

За левым столом скребли ложкой о миску. В ту же минуту дверь снова открылась: мужчина в кольчуге вернулся за перчаткой, нашёл её под скамьёй и ушёл, пропустив внутрь ещё один порыв сырого воздуха. Иоланта придержала ладонью две расписки, чтобы их не сдуло, и продолжила разговор.

— Лошадь во двор. Конюшня за кухней, третье стойло. Гарт покажет.

— Её зовут Милость.

— Если кусается, повяжите красную тряпку на дверь стойла, — сказала Иоланта, не поднимая головы от журнала.

Вошёл Гарт, неся на плече спасённый мешок. Тачку он оставил снаружи — вероятно, чтобы та осмыслила случившееся. Проходя мимо, он кивнул Лорану с уважением человека, признавшего чужую власть над колёсами.

— Гарт покажет стойло и вашу комнату, — продолжила Иоланта. — Потом мастер хочет вас видеть.

— Комната с кроватью? — уточнил Лоран.

— Под крышей. Окно не закрывается, Гарт дойдёт до него после оружейной.

— Вы опасно близки к роскоши.

Иоланта записывала его прибытие. На край конторки уже легла чужая рука с распиской, и Лоран уступил место.

Он уже поворачивался к выходу, когда кот на лучшем столе приподнял голову, посмотрел на него единственным открытым глазом и медленно втянул под себя лист. На мгновение показалась строка: «Очистка винного погреба. Крысы. Оплата...»

Потом лапа легла обратно.

Лоран не интересовался крысами. Особенно деловыми.

Комната находилась под самой крышей и честно соответствовала описанию. Кровать имелась; окно не закрывалось; дверь снаружи запиралась лучше, чем изнутри. О прежнем жильце напоминал ножевой надрез на подоконнике и выжженный круг на потолочной балке. Лоран решил не выяснять, были ли эти следы связаны.

Он поставил дорожный сундук возле кровати, но не открыл. Лютью положил поверх одеяла. Милость в третьем стойле встретила его попытку снять седло выражением глубокой личной обиды, зато овёс приняла без колебаний. В соседнем стойле стоял чёрный мерин с белой звездой на лбу и бинтом вокруг задней ноги. Между досками перегородки виднелись вырезанные имена — десятки, одно поверх другого. Некоторые сопровождались датами. У одного было только два слова: «Вернулся сам».

Во дворе Гарт уже грузил мешок обратно в тачку.

— Иоланта писала письмо? — спросил Лоран, догнав Гарта возле тачки.

Тот кивнул и толкнул рукоятю. Мешок качнулся; Лоран придержал его, пока колесо проходило выбоину.

— Я начинаю её бояться.

— Это правильно, — сказал Гарт.

Потом он показал на открытую дверь за баром и повёз известь дальше.

Кабинет мастера располагался не наверху, как полагалось людям, любящим власть и лестницы, а в маленькой комнате за баром. Дверь была открыта. Лоран постучал по косяку и услышал:

— Если вы кредитор, я умер. Если лекарь — пошёл на поправку. Если Вей — заходите.

Мастер гильдии сидел у окна и чистил яблоко тонким ножом.

Первым Лоран заметил не возраст и не шрам, а то, как старик держал нож. Большой палец лежал слишком близко к лезвию, движения были короткими и точными, кожа сходила одной непрерывной полосой. Так работают люди, которые тысячи раз повторяли опасное движение и давно перестали считать его опасным. Только левая рука подводила: два пальца не сгибались, и яблоко приходилось придерживать ладонью.

Мастеру было за шестьдесят. Волосы, почти белые, он стриг коротко, бороду — ещё короче. На нём был старый зелёный камзол с новым воротником и тремя разными пуговицами. Шрам начинался под правым ухом, пересекал шею и исчезал под тканью; из-за него голова чуть клонилась влево, словно мастер всю жизнь выслушивал собеседников одним и тем же боком.

— Лоран Вей, — сказал Лоран.

— Тейрен Авель. Садитесь.

Единственный свободный стул был завален бумагами.

— Это проверка?

— Нет. Бумаги.

Лоран переложил стопку на подоконник. Верхний лист назывался «Расходы на восстановление южной стены» и был датирован тремя годами ранее.

— Стену восстановили?

— Она всё ещё южная. Мы решили не торопить события.

Тейрен срезал последний виток кожуры, разделил яблоко и протянул половину гостю. Лоран принял. Яблоко было кислым до честности.

— Ваши песни мне нравятся, — сказал мастер.

— Вы человек вкуса.

— Особенно та, где капитан Тир одерживает победу у Красных ворот.

— Хороший выбор.

— Я был у Красных ворот.

Лоран перестал жевать.

— Разумеется, были.

— Капитан Тир всё сражение просидел в нужнике с расстройством живота.

— Во втором издании эта подробность признана нарушающей композицию.

— Победу одержала его жена.

— В третьем она получила две строки.

— Одну. Вторая была о коне.

Лоран положил недоеденное яблоко на край стола.

— Если вы пригласили меня из-за старой обиды, должен предупредить: цена удовлетворения растёт пропорционально расстоянию, которое я проехал.

Тейрен усмехнулся. Улыбка на его лице была редкой вещью, не вполне приспособленной к употреблению; правый угол рта из-за шрама почти не двигался.

— Я пригласил вас потому, что эту песню знают от Вельских ворот до побережья. Тир умер как победитель, его жена — как вдова победителя, а половина тех, кто там действительно дрался, не попала даже в примечания. Это работа. Хорошая работа. Просто сделана она не для тех людей.

— Вы наняли меня, чтобы я извинился перед покойниками?

— Покойникам извинения безразличны. Живым иногда тоже. Я нанял вас разбирать архив.

За окном Гарт что-то уронил. Железо ударилось о камень, во дворе коротко выругались, затем тачка снова закрипела мимо окна. Тейрен дождался, пока шум стихнет.

— В письме упоминалось великое повествование о подвигах одного из старейших братств восточной дороги, — сказал Лоран.

— Архив нужен для повествования. Иоланта покажет.

— Она заманила меня сюда ложью.

Тейрен отрезал себе кусок яблока и только тогда взглянул на гостя.

— Мы старые. Братство у нас есть. Дорога к востоку тоже ведёт. Что вы сочли ложью?

— Надо у неё поучиться, — сказал Лоран.

— Это дорого.

Мастер подвинул к нему папку.

Лоран открыл папку. Его подпись красовалась на последней странице — свободная, размашистая и поставленная вечером, когда трактирщик открыл вторую бутылку арданского.

— Архив за последние двенадцать лет, — сказал мастер. — Отчёты групп, записи заказчиков, выплаты, жалобы, карты, свидетельства. Половина написана людьми, которые считают глаголы излишеством. Вторая половина — людьми, считающими себя поэтами. Иногда это одни и те же люди, и тогда особенно тяжело.

— Найдите писаря.

— Было трое. Последний ушёл в монастырь, — ответил Тейрен.

— После чтения?

Тейрен поискал нужную страницу и не ответил.

— Кроме архива, будете принимать устные отчёты после заданий и приводить их в вид, пригодный для хранения. Иногда составлять объявления. Иногда — тексты для ратуши. Иногда играть в зале, если люди готовы платить.

— А великое повествование?

— Если останется время.

— А слава?

— Если останется гильдия.

Вот теперь старик смотрел прямо на него.

Лоран умел узнавать нужную паузу. В песне после такой следовало опустить голос и открыть настоящую ставку. В кабинете ничего не произошло. Тейрен просто ждал. На столе лежал договор, у окна кисло пахло яблочной кожурой, а за стеной кто-то потребовал записать ему кружку в долг.

— Сколько? — спросил Лоран.

— Что?

— Сколько осталось гильдии?

— Иоланта говорит, три месяца. Я говорю, пять.

— Почему разница?

— Она умеет считать.

Лоран взял договор. Жалованье было скромным, но не оскорбительным; бесплатная комната объясняла матрас, а доля с публичных выступлений — наличие бара. Внизу стоял срок: один год.

— Я не подписывал год.

— Посмотрите последнюю страницу.

Лоран перечитал мелкую строчку над своей подписью.

Лоран провёл пальцем по своей подписи. Она не вызывала сомнений. Более того, в росчерке чувствовалась убеждённость человека, которому мир только что предложил прекрасное приключение и третью бутылку за счёт нанимателя.

— Договор можно расторгнуть, — сказал Тейрен. — Предупреждение за день. Оплата только за отработанное. Лошадь, дорожные расходы и задаток остаются у вас.

Лоран поднял взгляд.

— Вы не собираетесь удерживать меня?

— Мне нужен человек, который слышит рассказ. Не человек, которого заперли в комнате с бумагой.

— Дверь моей комнаты, как я понимаю, оставляет обе возможности.

Тейрен подвинул к нему маленький латунный ключ.

— Иоланта покажет архив.

— А если я откажусь?

— Поужинаете, переночуете и уедете утром. Задаток останется у вас.

За стеной рассмеялись. В смехе было несколько голосов: человеческий, низкий орочий и высокий, почти детский. Потом зазвенели кружки.

Лоран убрал ключ в карман.

— Покажите мне хотя бы великие традиции, — сказал он. — Я хочу знать, за что именно отказываюсь работать.

Тейрен доел яблоко, оставив сердцевину тонкой, как рукоять ножа.

— Для этого придётся выйти из кабинета.

Экскурсию всё-таки проводила Иоланта. Она двигалась по гильдии быстро, не оглядываясь, и рассказывала так, словно перечисляла имущество перед пожаром. Далеко уйти не получилось. У кухни её остановила женщина с обожжённым запястьем; Иоланта отправила её в лазарет и велела не наматывать на ожог грязную тряпку. У лестницы пришлось пропустить двоих авантюристов с длинным свёртком между ними. Свёрток тихо звякал, и тот, кто шёл сзади, просил не спрашивать до возвращения мастера.

— Кухня. После полуночи еду не требовать. Лазарет — две койки, шкаф с перевязочным, настойка от боли на верхней полке. Нижняя — для тех, кто путает настойку с выпивкой. Оружейная запирается. Гарт отвечает за ремонт снаряжения и не отвечает за способ мышления. Если нужен кузнец, улица Красильщиков, третья дверь после водостока.

В зале стало люднее. У стойки тот самый гоблин складывал бельё и одновременно спорил с молодым дварфом о цене серебряных наконечников. Одну дужку круглых очков гоблина заменяла медная проволока; он прижимал подбородком простыню, не прекращая считать чужие деньги. Дварф слушал, ковыряя ногтем тёмную геометрическую линию на тыльной стороне ладони. Рядом кто-то кормил господина Крюка кусочками печёнки, хотя кот принимал подношения с таким видом, будто ему возвращали долг.

За кашей уже не сидели. Четверо разошлись: эльфийка с короткими серебристыми волосами точила узкий нож у окна; орк в сером дорожном плаще чинил ремень, придерживая иглу губами; человеческая девушка в слишком новом кожаном нагруднике читала доску контрактов снизу вверх, чтобы не показывать, что ищет самые дешёвые; четвёртый человек исчез, оставив после себя пустую миску и деревянную ложку с выгрызленным концом.

Лоран задержал взгляд на девушке. Она была лет девятнадцати, длинноногая, рыжеватая и худая той особенной худобой, при которой доспех кажется взятым у старшего брата. Светлая кожа на носу уже начала шелушиться после первого осеннего ветра. Копьё рядом с ней было дешёвым, но наконечник блестел от недавней заточки.

— Новенькая? — спросил он.

— Тесса Рин. Принята четыре дня назад, — ответила Иоланта. — Смотрит на контракты шесть часов. Пока это самое безопасное, что она с ними делала.

— А остальные?

Иоланта не ответила сразу. Эльфийка у окна отложила нож и перехватила за локоть женщину с ожогом, едва та попыталась пройти мимо лазарета. Орк зубами вытянул иглу из ремня, проверил шов и накинул починенную перевязь на плечо. Старый гоблин закончил с бельём и унёс его наверх, всё ещё доказывая дварфу, что серебро не становится дороже от плохого настроения продавца.

— Фейлин. Роган. Микс, — назвала их Иоланта уже после того, как каждый занялся своим делом. — Остальных узнаете, если задержитесь.

— Мне нужны люди, не списки.

Иоланта остановилась так неожиданно, что Лоран едва не наступил ей на пятку.

— Тогда научитесь различать, когда списки спасают людей.

Она указала на стену возле лестницы.

Там висела доска погибших.

Лоран заметил её ещё при входе, но принял за старую панель, слишком тёмную от дыма. Имена были вырезаны прямо в дереве — не на отдельных табличках, не одинаковыми буквами. Некоторые делал уверенный резчик, другие процарапали ножом. Возле одного имени сохранился детский рисунок углём: человек с очень длинным мечом и пятью пальцами на каждой руке, включая ту, которая держала щит. Между двумя строками кто-то втиснул третью, более свежую. Под ней лежала засохшая ветка рябины.

Самое новое имя отличалось светлым деревом.

КЕЛЬ АРНО. ВЕРНУЛ ДВОИХ.

Без даты. Без ранга. Без слов о доблести.

— Когда? — спросил Лоран.

— Двенадцать дней назад.

— Что случилось?

Иоланта подняла с пола маленькую щепку и положила на край доски.

— Прорыв болотной твари у старых солеварен. В группе было трое. Вернулись двое.

— «Вернул двоих» — хорошая строка.

— Это не строка.

Она пошла дальше.

Лоран задержался ещё на мгновение. Рядом с именем Келя виднелась неглубокая царапина, будто резчик начал добавлять слово и передумал. Он поймал себя на том, что подбирает продолжение: вернул двоих, остался один; вернул двоих, не вернулся сам. Оба варианта ложились в размер. Оба были хуже трёх простых слов.

Он догнал Иоланту у узкой двери под лестницей.

За ней не было архива.

Комната оказалась маленькой, без окон. На полках лежали вещи: свёрнутый плащ, пара сапог разного размера, ржавая пряжка, кошель без завязки, сломанный жезл, детская деревянная лошадка с одним колесом вместо задних ног. На крюке висела кольчуга, разорванная от подмышки до пояса. Рядом — зелёный шарф, выстиранный и аккуратно сложенный.

Здесь почти не пахло пылью. Пахло железом, лавандовым мылом и кожей, которую недавно смазывали.

— Комната тех, кто не вернулся, — сказала Иоланта. — Семьи забирают вещи, если есть семьи. Остальное хранится год. Иногда дольше.

Лоран вошёл осторожнее, чем собирался.

На нижней полке стояла кружка с отбитой ручкой. Внутри лежали три игральные кости и засохшая вишнёвая косточка. На одной кости вместо шестёрки было вырезано маленькое солнце.

— Кель? — спросил он.

Иоланта кивнула на зелёный шарф.

— Его сестра приедет через неделю.

Лоран протянул руку, но не коснулся ткани. Вчера железная метка Сива показала ему реку, которой рядом не было. Сейчас ничего не изменилось: комната осталась комнатой, шарф — шарфом. И всё же пальцы неприятно заломило, словно он слишком долго держал холодную кружку.

Он убрал руку в карман.

Там лежала пластинка с семью насечками.

Лоран мог бы спросить о великих традициях. Фраза уже сложилась, но в маленькой комнате прозвучала бы неуместно, и он оставил её при себе.

Иоланта сняла с плечика плащ, расправила загнувшийся край и повесила обратно. Движение было быстрым, привычным. Она не смотрела на Лорана.

— Архив дальше.

Архив занимал две комнаты и, возможно, имел намерение занять третью. Связки бумаг лежали на полках, под полками, на сундуках и в одном сундуке, который не закрывался из-за торчавших карт. На столе виселась башня журналов. Верхний был подписан позапрошлым годом, нижний — так давно, что кожа на переплёте успела забыть свой цвет.

Лоран остановился на пороге.

— Вы уверены, что третий писарь ушёл в монастырь сам?

— Оставил записку.

Иоланта положила перед ним первый журнал. Продолжать разговор ей было некогда: в дверь уже просовывали квитанцию за уголь.

Запись на открытой странице гласила: «Пошли к оврагу. Было скверно. Гелда опять сказала, что предупреждала. Получено восемь серебряных, сапог один».

— Вижу, глаголы здесь действительно считаются роскошью.

— Это хороший отчёт. В нём есть место, оценка результата, свидетель и имущество.

— А что произошло?

— Поэтому нам нужен летописец.

Лоран перевернул страницу. Следующий автор использовал глаголы щедро, но не признавал знаков препинания. Третий нарисовал тварь, похожую одновременно на кабана, шкаф и родственника, которого не пригласили на свадьбу.

Он раскрыл ещё один журнал, потом другой. Между страницами нашёлся засушенный лист, пятно воска и квитанция на двенадцать погребальных свечей. На полях кто-то раз за разом писал одно и то же имя, всякий раз иначе. Нашлась и копия отчёта про овраг: строку с Гелдой в ней пропустили, сразу шла запись о серебре и сапоге. Лоран отметил на обложке, что сверять надо с первым экземпляром; копии здесь явно делали торопливо.

В голове уже возникала система: свидетельства отдельно от контрактов, карты по районам, карточки с именами. Устные отчёты принимать до того, как участники напьются, или после того, как напьются достаточно, — в зависимости от человека. Из десятка корявых строк можно было достать настоящую историю.

Это было опасно.

— Нет, — сказал Лоран.

Иоланта, стоявшая у двери, продолжала перебирать связку ключей.

— Я ещё ничего не предложила.

— Но я уже начал работать. Это дурной признак.

Он закрыл журнал.

— Я уеду утром.

— Хорошо.

— Вы могли бы выглядеть разочарованной.

— Могу. Это оплачивается отдельно.

Она забрала журнал, поставила его в башню и вышла, оставив дверь открытой. Уже из коридора её окликнули насчёт платы за конюшню; ответ последовал сухой и точный, с датой, суммой и именем человека, который пытался забыть о долге.

Лоран ещё немного постоял среди чужих отчётов. Где-то в глубине дома Гарт снова взялся за топор. В зале заиграли в кости, кот потребовал открыть дверь, а затем, судя по звуку, открыл её сам. Жизнь гильдии продолжалась без малейшего уважения к его решению.

К вечеру очаг разгорелся, и зал стал почти уютным. Бочонок за стойкой оказался старше Тессы, моложе мастера и заметно благороднее обоих. Баром заведовал дварф по имени Брам Соль, широколицый, с густой чёрной бородой, в которой серебро проступало одной ровной полосой от нижней губы до груди. На правой руке у него не хватало мизинца и безымянного пальца. Кружки он держал левой, а правой отбивал сдачу так быстро, что пальцев вполне хватало.

— Вино из нижних долин, — сказал Брам, ставя перед Лораном бокал. — Семь лет в бочке, два месяца в дороге, три дня у нас. Последнее нанесло ему наибольший вред.

Лоран попробовал.

— Я уезжаю утром.

— Тогда налью ещё. Мёртвым и отъезжающим долги не записываю.

— Я способен заплатить.

— Это вы сейчас так думаете.

Лучший стол всё ещё принадлежал господину Крюку. К коту присоединились Тейрен, Фейлин и Роган. Мастер играл в карты, держа их повреждённой рукой; Фейлин читала книгу и время от времени забирала выигрыш; Роган чинил ремень между раздачами. У двери двое собирались на ночное дежурство. Один застёгивал плащ, другой держал кусок хлеба в зубах и пытался одновременно натянуть перчатку. Иоланта проверила их жетоны, вернула один и велела взять правильный. Через минуту дверь закрылась за ними, и холодный воздух смешался с теплом очага.

Свободное место оставалось только на краю скамьи, возле котовьего хвоста.

Лоран подошёл с бокалом.

— Это место занято?

Господин Крюк открыл глаз.

— Он говорит, что да, — перевёл Тейрен.

— Передайте ему, что я уезжаю утром.

Кот закрыл глаз.

— Говорит, переживёт.

Лоран сел.

Вблизи Фейлин выглядела старше, чем казалась сначала. Эльфийские лица плохо сообщали возраст, зато её руки не скрывали прожитого: на костяшках белели следы ожогов от целебных составов, большой палец был перетянут тонкой кожаной полосой, ногти коротко обрезаны. Серебристые волосы она стригла у подбородка, открывая острые уши, одно из которых пересекал ровный старый надрез.

— Вы лекарь, — сказал Лоран.

Фейлин перевернула страницу.

— Да.

Лоран хотел продолжить знакомство, но Фейлин уже отложила книгу и потянулась к чужому запястью.

Орк перестал раздавать карты. Он был сухим, длинноруким, с кожей цвета тёмной оливы и одним сломанным клыком. Серый плащ всё ещё лежал на плечах, хотя в зале было тепло. На запястье под рукавом виднелся свежий бинт.

— Сам перевязал? — спросила она.

Роган отдал ей руку, не выпуская карт из другой. Фейлин распустила верхний виток, под ним оказался слишком тугой узел.

— Мог попросить, — сказала она.

— Я считаю это началом счёта.

Фейлин переложила его карты на стол, чтобы освободить вторую руку. Лоран подвинулся, чтобы ей хватило света от очага. Брам поставил рядом новую кружку и забрал пустую; Роган попросил не уносить вместе с ней медяк, которым придавил ремень.

Тесса всё ещё стояла у доски контрактов. Теперь рядом с ней появился худой гоблин лет шестнадцати с коротким луком за плечом и кудрявый человеческий юноша, носивший на поясе сразу три кинжала так, чтобы каждый заметил все три. Они шептались, считали монеты и поглядывали на верхние листы.

— Не хватит, — сказал Роган, не оборачиваясь.

— Чего? — спросил Лоран.

— Денег. Им троим не хватит оплатить койки до конца недели.

— И они возьмут работу.

— Если Иоланта позволит.

Словно услышав имя, распорядительница вышла из-за конторки и сняла с доски два листа. Тесса что-то сказала. Иоланта ответила. Девушка выпрямилась, юноша с кинжалами начал улыбаться, гоблин изучал пол.

— Какой контракт? — спросил Лоран.

— Крысы в винном погребе, — сказала Фейлин, не отрываясь от книги.

— Вчера я видел женщину, способную разрушить чужую легенду одним предложением. Сегодня — кота, который охраняет крыс. Мир теряет чувство меры.

— Крюк охраняет оплату, — заметил Тейрен.

Иоланта сняла с лучшего стола лист, всё это время лежавший под лапой кота, и понесла к троице. Господин Крюк позволил это с достоинством чиновника, выдавшего разрешение.

Тесса прочитала объявление. Её лицо сначала посветлело, потом стало серьёзным — вероятно, она вспомнила, что настоящие авантюристы должны относиться к крысам с уважением. Кудрявый хлопнул её по плечу. Гоблин наконец поднял глаза.

— Дешёвый контракт, — сказал Брам. — Деше

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.